

МАРИНИСТИКА В ПОЭТИКЕ ТРАГЕДИЙ
(ЭСХИЛ «УМОЛЯЮЩИЕ», СОФОКЛ «АЯКС», ЕВРИПИД «МЕДЕЯ»)

Образ моря традиционен для такого «морского» народа, как древние греки. Человек на корабле, покоряющий стихию для своих надобностей, — общее место и в мифе, и в эпосе. Поэтому поистине необычной и странной казалась греку земля, где не слышали о море, никогда не видали кораблей, а весло могли принять за лопату для веяния зерна — ἀθηρηλόγος, как в пророчестве Тиресия Одиссею (Od. XI, 128).

Описания морских бурь постепенно становятся метафорами бурь житейских, передаваемых через образы морской стихии и корабля, носимого штормом. Эти метафоры зарождаются в архаической лирике, а затем приходят в трагедию. В известном стихотворении Алкея (фр. 23) волны заливают палубу кренящегося корабля, в клочья изорван парус. Это идет ко дну гетерия Алкея, его полис. Поэт нанизывает отдельные отрывочные детали, не создавая развернутых метафор. Он фиксирует состояние того, что его окружает, на этом фоне ярче душевное состояние человека. Но психологический параллелизм лишь намечается. У трагиков эти описания не отрывочны, они имеют самостоятельное значение, через них передаются яростные бури в человеческой душе: страх, отчаяние, нерешительность или, наоборот, принятое решение стойко сопротивляться ударам судьбы. От мотивов упоминания недавнего реального плавания трагедия идет к метонимическому переносу этого образа туда, где морского путешествия не было.

Рассмотрим фактический материал в упомянутых драмах в хронологическом порядке их написания.

«Умоляющие» — самая ранняя трагедия из всех предложенных для рассмотрения. Хоровые партии архаических драм, как известно, близки к хоровой лирике. Но в этой трагедии хор еще и действующее лицо, он несет двойную

нагрузку. Кроме обычных реплик в диалогах, он создает трагический фон, определенное настроение тревоги, надвигающейся беды. Маринистических метафор больше в собственных песнях хора, нежели в репликах диалога, потому что именно они создают ощущение надвигающейся катастрофы.

Данаиды бегут из Египта в Аргос морем, потому что постоянные упоминания о корабле и недавнем плавании вполне оправданы. Большая часть маринистики в хоровых партиях метафорами не является.

134 и сл. πλάτα μὲν οὖν λινωραφῆς
 τε δόμος ἄλλα στέγων δόρος
 ἀχειματόν μ' ἔπεμπε σὺν πνοαῖς.¹
 'Отсылали меня с дуновением ветра
 Весло и снасть льняная (т.е. корабль)'.²

Сложная метафора корабля (λινωραφῆς τε δόμος ἄλλα στέγων δόρος) не морская, а, наоборот, идет от земных представлений. Это δόμος, т.е. дом, сшитый как мешок или кожаный мех — δόρος из льняной ткани — λινωραφῆς (ράπτω 'сшивать'); στέγω (ср. с лат. tegero) 'покрывать', а также 'защищать, задерживать, не пропускать вовнутрь'; στέγων ἄλλα — букв. 'покрывающий море' еще и 'не пропускающий морскую воду', т.е. 'надежный'. Ἀχειματόν надо понимать адвербиально: 'не тревожимо бурями', 'спокойно', но а privativum можно понимать и 'отослал подалеже от бурь' — намек на житейскую драму Данаид.

Пеласг, прежде чем оказать покровительство девушкам, глубину своих раздумий сравнивает с глубиной пучины, в которую погружается водолаз (по-видимому, ловец жемчуга или губок).

407 и сл. δεῖ τοι βαθείας φροντίδος σωτηρίου
 δίκην κολυμβητήρος ἔς βυθὸν μολεῖν
 δεδωρκὸς ὄμμα.
 'Есть нужда в глубокой спасительной мысли,
 Чтобы зрящий взор проник на глубину
 По обыкновению водолаза'.

И далее, «не выходя» из морской метафоры, Пеласг сообщает о принятом решении и неотвратимости войны:

438. δεῦρο δ' ἐξοκέλλεται.
 'Сюда прибывается (наш корабль)',

т.е. иного выхода нет. ἐξοκέλλω 'пригонять корабль к опасному месту' в непереходном значении — 'попадать на мель', 'сбиваться с курса'. «Но к этому мы готовы», — продолжает Пеласг: γεγόμεναι σκάφος — 'лодка сколочена', точнее 'скреплена корабельными винтами' (στρέβλαισι ναυτικαῖσιν). Прочность сооружения, кроме στρέβλη, подчеркивает и сам глагол (γομφόω от γόμφος 'болт').

Для Данаид, только что ступивших с корабля на землю Аргоса, мотивы мореплавания в описании их бед естественны, но Пеласг никуда не плавал, тем не менее он подхватывает эти метафоры, говоря не только об «умоляющих», но и о себе самом. Судьба, поставив его перед выбором, ввергла в пучину зла.

470. ἀπὸς δ' ἄβυσσον πέλαγος οὐ μάλ' εὐπορον
 τὸ δ' ἐσβέβηκα. κουδαμοῦ λιμὴν κακῶν.
 'Я вступил в это непроходимое, бездонное море
 несчастья, и нигде нет спасения (букв. 'гавани') от бед'.

Эпитет ἄβυσσος 'бездонный' применяется и к мысли Зевса, его способности все видеть и замечать (1059. ὄψιν ἄβυσσον). Когда в конце драмы за девушками является глашатай, проклятие Данаид вполне соответствует духу I страбургского эпода, автором которого, по-видимому, является Архилох. Это пожелание «пропасть» именно в море, у Сарпедонова мыса (867—870). Σαρπηδόσιον χῶμα в Киликии, как и архилоховский Салмидесс во Фракии, — подлинное географическое название. Но применяется оно совсем не в конкретном значении. Это пожелание гибели на краю земли — чем дальше, тем лучше.

Ἀλάομαι 'блуждать', 'скитаться' — глагол отложительный, но форма причастия ἀλαθείς — пассивная в значении «изгнанный, обреченный на скитания» с последующим дативом ἀερίαισι αὔραις 'туманными ветрами'. Метафора моря δι' ἀλίρροτον ἄλσος здесь подчеркнута земная. Ἄλσος у Гомера и Гесиода — «священное место», «заповедная роща при святилище». Тогда ἄλσος ἀλίρροτον — «роща, обтекаемая морем» или «морская святыня», «лес морских волн». В лирике

ἄλλος чаще всего встречается у Пиндара и Вакхилида, но в привычном значении.³

Вся драма «Умоляющие» буквально пронизана морем. Данаиды с отцом ступают на незнакомый берег, здесь же происходят все диалоги с Пеласгом, его мучительные раздумья, с моря ждут опасности — погони Египтиадов, и она приходит в виде враждебных кораблей.

734 и сл. πάτερ φοβούμαι, νῆες ὡς ὠκύπτεροι ἤκουσι μήκος δ' οὐδὲν ἐν μέσῳ χρόνου.
'Боюсь, отец, что приближаются быстрокрылые корабли, А времени совсем не остается'.

νῆες ἤκουσι — 'корабли приходят' еще не создает никакого образа, констатация факта, как в прозе. Но то, что корабли «быстрокрылые» — ὠκύπτεροι, делает стих стремительным. Корабли мчатся, а вместе с ними летит беда, да так, что времени на раздумье не остается.

μήκος δ' οὐδὲν ἐν μέσῳ χρόνου
'И никакого промежутка посреди времени'.

Μήκος, или μήκος, — это и длина, и долгота. Так можно сказать и о времени, и о пространстве. Уходит в бесполезных спорах время, отпущенное для спасения, и сокращается пространство между беглянками и кораблями преследователей. Эту скрытую в греческом тексте метафору почувствовал А. И. Пиотровский, он переводит:

'Отец, мне страшно, корабли крылатые
Летят, и время мчится кораблей быстрее'.⁴

В драме Софокла «Аякс», обращаясь к корабельщикам, своим друзьям и соратникам, Аякс говорит о своей судьбе, объясняя ее тем образом, который им как морякам наиболее понятен.

351 и сл. ἴδεσθε μ' οἶον ἄρτι κύμα φοινίας ὑπὸ ζάλλης ἀμφίδραμον κυκλείται.⁵
'Вы видите, какой вал кровавой бури, Набегаящий со всех сторон, окружает меня!'

Κύμα — букв. 'волна'. Без этого слова не обходится маринистика в архаической лирике (ср. Алкей, Архилох, Алкман,

Анакреонт, Пиндар, Симонид).⁶ Но в лирике обычно говорится о совершенно реальной буре, без переноса значения.

Аякс, доказывая необходимость подчиниться Атридам, приводит ряд сравнений: «зима склоняется перед летом», «ночь уступает дню» и затем:

674. δεινὸν δ' ἄηρα πνευμάτων ἐκείμισε στένοντα λόγῳ.
'Дуновение ужасных ветров делает море стонущим'.

Этот образ диссонирует с другими сравнениями. «Когда свищет ветер, море стонет», — говорит Софокл. Раз море подчинено ветру, так и Аякс должен подчиниться Атридам. Перевод С.Шервинского сделан от обратного:

«спадает ветер яростный — и море стенать перестает».⁷

Это понадобилось переводчику, чтобы связать с приведенными выше сравнениями, не нарушать мотив подчинения, уступки. Точно так же «умение и мощь уступают почету» (681). Подтверждает эту мысль и Менелай, отказывая Аяксу в погребении:

«Плох воин рядовой, когда не хочет начальникам повиноваться» (1075).

Он объясняет это метафорой в духе Алкея: государство пойдет ко дну, если дать волю всем делать, что захочется (1082. τὴν πόλιν εἰς βυθὸν πεσεῖν). Εἰς βυθὸν πεσεῖν равно βυθίζω 'идти ко дну'. Так сказать можно только о корабле.

Маринистическая метафора у Софокла может вырастать в целую притчу (αἶνος), нечто вроде вставной новеллы, как пример аргументации при споре Менелая и Тевкра хоронить или нет Аякса (1142—1149).

«Уже я видел однажды человека, смелого на язык,
Заставившего моряков плыть в бурю.
Но во время бури ты не обнаружил бы, что он обладает даром слова».

Спрятавшись под плащ, он предоставил топтать себя
Любому желающему из моряков.
Так вот и в отношении тебя. И твоего неистового
Рта громкий крик великая буря,
Возникшая из маленького облачка, пожалуй,
Сможет загасить».

Объясняют всегда на самых «доходчивых вещах», тех, что «лежат под рукой», находятся как бы в поле зрения. Что может быть естественнее для моряка, чем испытание храбрости морем?

Пролог «Медеи» Еврипида начинается стремительно.

1—6. Εἴθ' ὄφελ' Ἄργος μὴ διαπτάσθαι σκάφος

Κόλχων ἐς αἶαν κωανέας Συμπληγάδας
μὴδ' ἐν νάπαισι Πηλίου πεσεῖν ποτε
τμηθεῖσα, πύκη, μὴδ' ἐρετμόσαι χέρας
ἀνδρῶν ἀρίστων, οἱ τὸ πάγχρυσον δέρας
Πελοῖα μετῆλθον⁸.

‘О если бы челн Арго не перелетал бы в землю
Колхов через мрачные Симплигады,
Никогда бы не падала сосна, срубленная в долинах
Пелиона, не снабдила бы она веслами
Руки лучших людей, которые пришли за золотым
Руном для Пелия’.

С глаголом διαπτάσθαι появляется образ корабля, летящего в другую часть земли, как предыстория трагедии, которая сейчас разыгрывается. Кормилица сожалеет, что корабль как начало всех бед вообще был построен. Упоминаний об Арго больше не будет, но мотив беды и тревоги, вошедший в драму вместе с ним, каждый раз будет раскрываться через метафору моря и корабля.

Медея непреклонна в том решении, что зреет в ней. Увещевания друзей она слушает как скала или морской прибой (28). Слово κλύδων ‘прибой’, передающее смятение в ее душе, еще раз встречается в песне хора (362):

«Тебя, Медея, бог отправил в безысходное море
бедствий» (εἰς ἄπορον κλύδωνα κακῶν).

Фемида заставила Медею отправиться в Элладу, лежащую по ту сторону Боспора, по ночному морю. Это сказано о ее реальном путешествии с Ясоном (208—212). Боспор назван «беспредельным ключом моря» (Πόντου κλήδ' ἀπέραντον). При конъектуре ἀπεράντου — genetivus, «беспредельным» становится море (πόντου). Это перекликается с ἄπορον κλύδωνα κακῶν. Нет конца и края у морской глади, как нет конца бедам Медеи. Один и тот же образ и в прямом, и в переносном значении.

Пройдя между Симплигадами, Медея проводит границу в безумствующем сердце (432. μαινομένῃ κραιδίῃ διδύμου ὀρίσασα πόντου πέτρας). Все, что было до встречи с Ясоном, осталось по ту сторону, нет возврата к прежнему. Упоминание о реальном плавании слито с метафорой безвозвратности, невозможности повернуть судьбу назад. Прямое и переносное значения сближают слова μαινομένα κραιδίῃ — плавание проходит и через сердце Медеи. Нет гавани, где она могла бы стать на якорь и переждать бурю (258). Ведь Медея выросла среди варваров, а здесь, в Элладе, у нее нет ни матери, ни брата μεθωρμίσασθαι τῆσδ' ἔχουσα συμφορᾶς ‘чтобы укрыться от несчастья’.

Μεθωρμίσασθαι как infinit. finalis ‘плыть в гавань’, ‘менять пристань’. В корне глагола — ὁ ὄρμος — ‘корабельная стоянка’. Συμφορᾶς — genetivus separati — ‘Прятаться в гавани от шторма’. Συμφορᾶ обычно для обозначения несчастья, здесь метафорически — ‘буря’. Игра значений происходит наоборот: от житейского к маринистическому.

В разговоре с Креонтом Медея говорит о безысходности своей судьбы.

278. ἐχθροὶ γὰρ ἐξίαισι πάντα δὴ κάλον
κοῦκ ἔστιν αἴτης εὐπρόσοιστος ἔκβασις.
‘Враги уже выпустили весь канат,
И нет доступного выхода из беды’.

Ἐξίαισι κάλον — метафора из морского языка, ставшая поговоркой, — враги плывут на всех парусах, т.е. изо всех сил; εὐπρόσοιστος — тоже «корабельное» слово; εὐ-προς-οιστος — adiectiv, verb. κ φέρομαι; προσφέρεσθαι ‘приставать к берегу’, εὐπρόσοιστος — ‘тот, к которому удобно пристать’, ἔκβασις — как морской термин (terminus technicus) — ‘место для выхода на берегу’; ἔκβασις αἴτης ‘пристань несчастья’. ‘Нет удобной гавани для выхода из беды, нет доступной пристани’. И.Анненский переводит: «И мне на берег от злой волны уже спасенья нет».⁹

Морские метафоры Еврипид прилагает и к элоквенции. Ясон признает, что уступает Медее в красноречии. Ее речь подобна буре, во время которой надо плыть, подобрав парус (522 и сл.): ἀκροῖσι λαίφους κραιπέδοις букв. ‘крайними концами паруса’.

Так морские метафоры, придя из лирики в хоровые партии трагедии, закрепляются в монологах. Мотив реального плавания становится метонимией, а иногда, как у Еврипида, причудливо сочетаются два плана: граница, проложенная по морю, прочерчена в сердце.

Примером позднего употребления маринистических мотивов может быть ном Тимофея Милетского «Персы» (конец V в.).¹⁰ Здесь метафоры, сложные и вычурные, становятся уже самоцелью: «корабельные ноги» — весла (90—91); «сосны, рожденные в горах» — корабли (76—77), ср. с прологом «Медеи» Еврипида; «грудь Амфитриты, увенчанная рыбами» — морская гладь (38).

Ном сближает с драмой и монолог персонажа. Перс, коверкая греческую речь, зарекается плавать сюда и воевать с греками.

У Тимофея не просто натурально описанная морская сцена, а историческая битва, Саламинское сражение. Никакого переноса значений по схеме, принятой у трагиков: буря на море — буря-опасность и злая судьба — буря в душе человеческой. Совершенно иная направленность метафор. Подобное объясняется подобным, но нет психологических параллелей. Метафоры Тимофея иногда надо разгадывать как скандинавские кеннинги. В «Эдде», например, корабль назван «впрем прибоя» («Песнь о Хюмире», 33).¹¹ Под стать этому образу Тимофей называет утесы — «мраморные крылья» (38—39). Тимофей пользуется уже сложившейся поэтикой, готовыми тропами. Для него обращение к подобным метафорам — не больше, чем нарочитая игра в древность.

Традиция использования маринистических метафор, идущая от архаической лирики, пройдя через драму, сохраняется в поздней лирике уже только как штамп, не создавая глубоких психологических образов.

Примечания

¹ Aeschylus Supplices / Ed. H. Weil. Lipsiae, 1889.

² О переводе слова ἀνεμάτων см. в тексте.

³ Fatouros G. Index Verborum zur frühgriechischen Lyrik. Heidelberg, 1966. S.v. ἄλος.

⁴ Эсхил. Трагедии. М., 1989. Стихи 324—1074 в переводе А.И.Пиотровского.

⁵ Sophocles. Tragoediae / Ed. R.D.Dawe. Leipzig, 1975.

⁶ Fatouros G. Index Verborum... S.v. κῆμα.

⁷ Софокл. Трагедии. М., 1979. Стихи 686—687 в переводе С.Шервинского.

⁸ Euripides. Tragödien. Medeia / Ed. D.Ebener. Berlin, 1972.

⁹ Античная драма. М., 1970. С.243.

¹⁰ Poesiae Melici Graeci / Ed. D.Page. Oxford, 1962. Fr.791.

¹¹ Старшая Эдда / Пер. А.Корсуна // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.